

Послѣдняя судьба міра.

(Изъ Лютардта)

Конецъ міра и человека. Въра въ безсмертіе души. Доказательство безсмертія души. Состояніе души послѣ смерти. Воскресеніе тѣла. Будущность церкви. Обращеніе къ истинной религіи. Отпаденіе. Вражда противъ церкви. Побѣда церкви. Будущность міра. Судъ надъ міромъ. Вѣчное страданіе и вѣчное блаженство. Взглядъ на прошедшее.

Темою моею сегодняшней и послѣдней лекціи, многоуважаемое собраніе, будетъ послѣдняя судьба міра, т. е. конецъ исторіи и всего міроваго порядка. Конецъ же есть завершеніе, —завершеніе церкви, завершеніе міра; потому что мы должны наслѣдовать царствіе Божіе, церковь должна сдѣлаться совершеннымъ царствомъ Божіимъ, а міръ непреходящимъ великолѣпнымъ міромъ Божіимъ. Такова цѣль всего, потому что міръ имѣетъ цѣль, къ которой онъ стремится; исторія народовъ также какъ и исторія церкви имѣетъ цѣль, которой она должна достигнуть; жизнь наша имѣетъ цѣль, въ которой она достигаетъ спокойствія и истины.

Сегодня мы будемъ говорить объ этой троякой цѣли.

У насъ одна цѣль, потому что мы не отъ земной жизни ожидаемъ исполненія надеждъ нашихъ. Пока мы живемъ, мы надѣемся; жизнь безъ надежды не есть жизнь. Надежда же наша показываетъ намъ за предѣлами настоящей жизни жизнь

будущности; потому что эта земная жизнь поселяетъ въ насъ надежды, но не исполняетъ ихъ, она даетъ обѣщанія, но не приводитъ ихъ въ исполненіе. Сколько обманутыхъ надеждъ на пути каждой человѣческой жизни! Въ молодости первый взмахъ крыльевъ ума обѣщаетъ часто высокій полетъ, но какъ рѣдко въ позднѣйшіе годы исполняется надежда молодости! Въ первое весеннее время деревья покрываются цвѣтами, но скоро они опадаютъ, и только не многіе изъ нихъ созрѣваютъ въ плоды. Но хотя бы и не многіе созрѣли! Жизнь полна обмана и разочарованій; сознаніе этого—главнѣйшая причина неудовольствій, слишкомъ часто отравляющая нашъ вѣкъ: это зло и разочарованіе приходится испытывать въ старости. Какъ рѣдко самая лучезарная жизнь сопровождается прекраснымъ закатомъ; и какъ трудно—гораздо труднѣе, чѣмъ думаетъ молодежь—состарѣться достойно и прекрасно! Правы ли мы сохраняя тѣ надежды, которыя намъ льстили, или нѣтъ, все равно,—калоба остается та же: жизнь не сдержала своихъ обѣщаній. Быть можетъ, есть счастливыцы которымъ зрѣлый возрастъ въ избыткѣ далъ то, чего желала юность; но сколько бъ ни было такихъ счастливецъ,—все же несчастныхъ, которые обманулись въ своихъ надеждахъ, гораздо больше. А развѣ несчастный не того же стоитъ, что и счастливый? И въ сущности кто счастливъ?

Нѣчто глубоко меланхолическое отражается на всей жизни; меланхолія нераздѣльна съ нею, нераздѣльна съ нашимъ ощущеніемъ. Это печальное настроеніе распространяетъ тѣсноту и скоротечность всего земнаго, чувство ничтожества всѣхъ благъ и наслажденій этой жизни. Тотъ царь израильскій, который обладалъ такимъ богатствомъ ума, какъ никто другой и, какъ мало кто, наслаждался жизнью,—весь результатъ своей жизни выражаетъ однимъ словомъ: суета суетъ и вселенская суета. А тотъ римскій императоръ, кото-

рый повелѣвалъ міромъ, когда дѣло дошло до смерти, сказалъ: «я былъ все, и испыталъ, что все есть ничто».

А если бы оно и было что нибудь, то одно мгновеніе все уничтожаетъ. Мы умираемъ,—подумали ли мы, что это значитъ? Тотъ, кто это знаетъ, не можетъ сказать, что это значитъ; а мы, которые объ этомъ говоримъ, еще этого не знаемъ, хотя чувствуемъ тяжесть представленія о смерти. Мы жалуемся на жизнь, а все же избѣгаемъ смерти. »Мы живемъ ненавидя жизнь, а страшимся смерти«. Таковъ ли долженъ быть конецъ? Жизнь постоянно указываетъ намъ на будущность, каждый день—на слѣдующій; на завтрашній день мы откладываемъ то, чего не исполнили вчера и сегодня; отъ завтрашняго дня ожидаемъ исполненія тѣхъ надеждъ, какими питались вчера и нынѣ. И какъ бы все ни исполнялось, все же еще остается чего пожелать; а то, чего намъ остается пожелать, кажется намъ всегда самымъ важнымъ. Такъ каждый день отсылаетъ насъ къ другому, пока, наконецъ, приходитъ день смерти. Гдѣ тогда остается исполненіе надеждъ нашихъ? Если смерть не что иное какъ смерть, тогда жизнь—жестокость, а надежда—иронія. Жизнь указываетъ на жизнь по ту сторону смерти, потому что эта земная жизнь не удовлетворяетъ потребности нашего духа, менѣе всего удовлетворяетъ она потребностямъ христіанина.

Отсюда произошла вѣра въ безсмертіе. Она также всеобща, какъ и вѣра въ Бога. У всѣхъ народовъ, которые вели высшую духовную жизнь, существуетъ эта вѣра, а у остальныхъ, по крайней мѣрѣ, предчувствіе ея. Вездѣ смерть и сѣмѣсто представляетъ предметъ почтительной боязни, и законы, опредѣляющіе нашъ долгъ къ умирающимъ, принадлежатъ къ святымъ законамъ. Во имя исполненія этого долга, Антигона не задумалась преступить государственный законъ и пожертвовать собственною жизнію. Долгъ къ мертвымъ былъ для нея святѣе

долга къ живымъ. Охраненіе могилъ предковъ имѣло не меньшее значеніе, чѣмъ охраненіе алтарей и отечества. Онѣ представляли союзъ, соединяющій народъ и его страну; на древнихъ предковъ люди смотрѣли какъ на благословляющихъ духовъ настоящаго, и приносить имъ жертвы считалось не только домашнимъ, но и патріотическимъ долгомъ. Искусство съ давнихъ поръ украшало жилища умершихъ и ихъ охотно хоронили тамъ, гдѣ пребываютъ живые. Въ надписяхъ же, въ которыхъ мертвыхъ заставляли говорить съ живыми, устанавливалось отношеніе между обоими. Мертвыхъ считали не погибшими, но жильцами другаго міра. Если въ позднѣйшее время они сдѣлались только воспоминаніемъ пережившихъ, то это уже отпаденіе отъ первобытнаго смысла. Самый обычай приводитъ въ близкое сношеніе мѣсто умершихъ съ мѣстомъ живыхъ, и эта близость есть памятникъ той древней вѣры, для которой умершіе—не мертвые, а живые.

Эта вѣра всеобща; она воздвигла пирамиды въ Египтѣ и теперь еще представляетъ намъ свидѣтельство въ своихъ муміяхъ; она внушила германскимъ народамъ то боевое мужество, съ которымъ они ожидали смерти на войнѣ; она благороднѣйшихъ изъ грековъ располагала къ тайному ученію элевсинскихъ мистерій, приносившихъ имъ утѣшеніе среди подавляющихъ представленій о смерти. Хотя только христіанство возвысило эту вѣру до полной увѣренности, но она также всеобща, какъ и вѣра въ Бога. Она наслѣдіе всего человѣчества.

Ея всеобщность доказываетъ, что она необходимое достояніе человѣческаго духа. И она необходима не только для мысленія, но и для жизни, потому что вѣра въ безсмертіе есть одна изъ существеннѣйшихъ опоръ для всего нравственнаго состоянія нашей общественной жизни. Это не требуетъ доказательствъ: если мы удалимъ эту вѣру изъ круга чело-

вѣческихъ истинъ, то мы отнимемъ у жизни человѣческаго общества нравственную идею. Намъ говорятъ, что слѣдуетъ дѣлать добро ради самаго добра. Но что такое добро? Развѣ это не Богъ? А если есть Богъ, то развѣ Онъ не Судія? Всѣ мы должны открыться ему какъ Судии. И само наше нравственное сознание требуетъ высочайшей отвѣтственности, отъ которой никто не можетъ уклониться; кромѣ того важное практическое значеніе заключается въ томъ, имѣетъ ли жизнь наша цѣль. Этимъ опредѣляется все направленіе ея; но она имѣетъ цѣль только въ такомъ случаѣ, если есть безсмертіе индивидуума, а не только, какъ говорятъ, безсмертіе рода.

Съ давнихъ поръ представляли доказательства безсмертія души.

Само существованіе идеи безсмертія есть доказательство ея истины, потому что опытъ нашъ показываетъ намъ только смерть и скоротечность. Откуда происходитъ идея безсмертія и ея всеобщность и достовѣрность? Если бы умъ нашъ не носилъ въ себѣ скоротечной сущности, то онъ не имѣлъ бы идеи скоротечности. Уже само сознание нашего безсмертія есть доказательство истины его. Это непосредственное сознание старались оправдать отдѣльными доказательствами. Какъ доказательство существованія Бога, такъ и эти доказательства суть свидѣтельства нашего сознанія. Въ этомъ состоитъ ихъ значеніе.

Безсмертіе доказывали сущностью души. Она не сложна, какъ вещи природы, а потому не подвержена разложенію. Истина этого доказательства слѣдующая: человѣкъ есть личное существо, созданное для Бога и для вѣчности.

Его доказывали нашимъ сознаніемъ. Каждый человѣкъ носитъ больше зародышей въ себѣ, чѣмъ сколько можетъ развиваться въ этой жизни,—въ дарованіяхъ и силахъ умственныхъ, въ своемъ сознаніи, въ жаждѣ истины, въ стремленіи

*

къ нравственности. Истина этого слѣдующая: пока мы живемъ, мы стремимся, а стремленіе наше относится къ вѣчному. Его цѣль по ту сторону настоящей жизни.

Всѣ мы носимъ въ себѣ идеаль совершенства, потому что носимъ въ себѣ вѣчность. Потому мы и стремимся къ вѣчности, что она сообщила силу и полетъ нравственному труду всѣхъ честныхъ людей, которые когда либо стремились къ нравственному совершенству или жертвовали собою для служенія другимъ. Но вѣчность въ Богѣ; мы безсмертны потому, что мы въ Богѣ; Богъ же не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ. Его жаждетъ душа наша. Всѣ мы носимъ въ себѣ тоску по родинѣ. Это страданіе есть взмахъ крыльевъ души нашей; но крылья ея на этомъ свѣтѣ связаны, и только тамъ освободятся. «Счастливы тѣ, которые чувствуютъ тоску по родинѣ, потому что они придутъ въ домъ свой.»

Было время,—оно прошло еще недавно,—когда вся религія состояла въ вѣрѣ въ безсмертіе. Но это ученіе только слабый намекъ на христіанское ученіе о жизни вѣчной.

Одна увѣренность въ безсмертіи не можетъ помочь намъ и утѣшить насъ; она заключаетъ въ себѣ столько же ужаса, сколько и утѣшенія. Еслибы спросить въ мірѣ, мы нашли бы, я думаю, столько же желающихъ все покончить съ этой жизнью, сколько и такихъ, которые утѣшаютъ себя надеждою на будущую жизнь, потому что продолжительность самой жизни есть только весьма слабое утѣшеніе; главное дѣло въ томъ, какъ мы проведемъ эту жизнь.

Ни одинъ вопросъ не возбуждаетъ такъ сильно нашего интереса, какъ вопросъ о состояніи души послѣ смерти; и, удивительно, едвали найдется вопросъ, о которомъ св. писаніе дастъ такъ мало разрѣшеній, какъ объ этомъ. Изъ этого мы можемъ вывести такое заключеніе, что большая часть нашихъ вопросовъ по этому предмету бесполезны; это вопросы

любопытства, а не религіозной потребности. То, что намъ необходимо знать, открыто намъ довольно ясно, и открытое ученіе имѣетъ большую важность. Смерть образуетъ глубокій разрѣзъ въ исторіи нашей жизни. Пока мы ведемъ жизнь тѣлесную, то одна ступень незамѣтно переходитъ въ другую. Смерть отдѣляетъ глубокимъ разрѣзомъ эту жизнь отъ будущей. Когда разрывается связь, до сихъ поръ соединявшая душу и тѣло, то вмѣстѣ съ нею разлетаются и тысячи нитей, привязывающихъ насъ къ этому видимому міру благъ и труда. Мы освобождаемся отъ міра и должны сосредоточиться въ себѣ самихъ. Эта жизнь принадлежитъ труду, но настанетъ ночь, когда никто не можетъ работать. Эта жизнь призываетъ насъ къ внѣшнему,—та ночь спокойствія заставляетъ насъ сосредоточиться въ себѣ. Эта жизнь принадлежитъ задачамъ и дѣламъ настоящаго міра, а послѣ смерти мы будемъ принадлежать только себѣ, и нашъ міръ будетъ наше состояніе и міръ нашихъ воспоминаній. Работа есть благодѣяніе, но она и искушеніе. Мы убѣгаемъ отъ себя не только тогда, когда предаемся развлеченіямъ наслажденій, но и тогда, когда предаемся тревожной работѣ. Смерть ставитъ насъ предъ нами самими и заставляетъ насъ сосредоточиться. Этотъ чувственный міръ набрасываетъ на духовную сторону покрывало, которое скрываетъ насъ отъ себя самихъ; смерть разрываетъ это чувственное покрывало и ставитъ насъ безъ покрова предъ самими собою. Здѣсь оглушаютъ насъ разнообразныя голоса міра и такъ часто заглушаютъ голосъ нашей внутренней истины. Смерть вводитъ насъ въ міръ безмолвной истины, куда не проникаютъ больше голоса этого земнаго міра, а мы только слышимъ нашъ внутренній голосъ и различаемъ обвиненіе нашихъ воспоминаній. Кто можетъ это выдержать? Только тотъ, кто уже здѣсь во плоти велъ жизнь духа, кто въ этомъ мірѣ обманчивыхъ чувствъ поставилъ

себя подъ судъ истины, кто въ этомъ мірѣ скоротечности сроднился съ міромъ вѣчности.

Смерть ведетъ насъ изъ міра къ Богу. Предъ Нимъ она насъ поставляетъ. Здѣсь на землѣ проскользають тысячи обмановъ между нами и Богомъ. Тамъ мы непосредственно предстаемъ предъ Бога и такими, каковы мы въ сущности, а не такими, какими мы стараемся казаться или какими мы, быть можетъ, желаемъ быть. Людей мы можемъ приводить въ заблужденіе, себя самихъ можемъ обманывать; предъ Богомъ же прекращается всякій обманъ, исчезаетъ всякое самообольщеніе. Тамъ истина. Кто можетъ перенести лицезрѣніе Бога, кто можетъ перенести неподкупную истину? Только тотъ, кто уже здѣсь сдѣлался другомъ Божиимъ; такъ какъ по этому будутъ всѣ различаться, остались ли они вѣрными Богу или отпали отъ Него. Это объясняется въ слѣдующихъ словахъ: «лежитъ человѣкомъ единою умерети, потомъ же судъ» (Евр. 9, 27), т. е. что рѣшеніе происходитъ въ этой жизни. Мы не должны утѣшаться надеждою тамъ вознаградить то, что здѣсь потеряли. Эта жизнь дана намъ въ плоти, чтобы въ ней разрѣшилась судьба наша. Для того намъ даны различныя задачи и испытанія въ настоящей жизни, чтобы мы посредствомъ ихъ научились искать и находить Бога. Поэтому здѣсь и рѣшится вѣчная судьба человѣка, — имѣлъ ли онъ Бога въ сердцѣ или нѣтъ, потому что тотъ, кто здѣсь не достигъ общенія съ Богомъ, и тамъ не обрѣтетъ его: «никто не сдѣлается блаженнымъ отъ того, что будетъ зарытъ.» А дѣло въ томъ, чтобы быть блаженнымъ! Не только безсмертіе, но и блаженство!

Но путь къ блаженству есть Иисусъ Христосъ. Кто имѣетъ Его въ сердцѣ своемъ, тотъ обладаетъ жизнію вѣчною; а кто не обладаетъ здѣсь жизнію вѣчною, тотъ и тамъ ея не найдетъ. Блаженство жизни послѣ смерти состоитъ въ общеніи

съ Иисусомъ Христомъ. Хотя смерть похищаетъ насъ у этого міра благъ и радостей, но она отнимаетъ насъ и у этого міра искушеній и плоти грѣховной. Это-то и составляетъ жалобу нашей жизни, что мы никогда не можемъ покончить съ грѣхомъ въ плоти нашей и никогда такъ вполне не соединяемся съ Господомъ нашимъ, какъ того жаждетъ душа наша. Блаженство, ожидающее насъ, будетъ состоять въ томъ, что мы будемъ находиться при Господѣ. Здѣсь чужбина, тамъ родина, потому что Онъ наша родина. Такова надежда христіанъ.

Но это блаженство имѣетъ свои степени развитія. Можно сказать, оно имѣетъ исторію. Совершенства своего оно достигаетъ только съ воскресеніемъ, потому что пока душа отлучена отъ тѣла, ея блаженство не совершенно; ибо мы созданы для единства души и тѣла, такъ какъ тѣло есть не только темница, въ которую изгнана душа наша, или покровъ, облекающій снаружи душу нашу, а отечество духа нашего и его необходимое орудіе. Всякая дѣятельность духа снаружи и извиѣ происходитъ чрезъ тѣло. Пока оно лишено этого органа дѣятельности, оно предназначается спокойствію. Но призваніе духа—дѣятельность. Вѣчная жизнь должна быть жизнь дѣятельности, въ которой мы надѣемся найти то удовлетвореніе, какого здѣсь ищемъ; она должна быть жизнію во плоти, если она должна достигнуть того совершенства, къ которому предназначена. Мы отдаемъ тѣло наше смерти въ той надеждѣ, что мы его получимъ обратно отъ смерти, и получимъ его не такимъ, которое было бы снова подвержено смерти, а такимъ, которое навсегда будетъ свободно отъ смерти и предоставлено жизни; оно не сдѣлается опять предѣломъ и препятствіемъ нашего духа, а сдѣлается соотвѣтствующимъ органомъ духа нашего и нашей воли, и будетъ вполне къ услугамъ нашимъ, вполне будетъ соотвѣтствовать состоянію

совершенства нашего; однимъ словомъ, оно будетъ тѣло преображенное, вполне принадлежащее духу.

Это была совершенно новая идея для древняго міра, что тѣло наше назначено для вѣчности, и что оно призвано быть храмомъ Духа Святаго (1 Кор. 6, 19). Кто видитъ въ тѣлѣ только средство чувственности, тотъ конечно можетъ видѣть въ немъ только добычу скоротечности; но кто знаетъ, что оно также призвано къ святости, тотъ знаетъ, что оно назначено для міра вѣчности. Какимъ образомъ оно изъ смерти будетъ опять призвано къ жизни, этого мы не можемъ сказать. Это мы предоставляемъ Богу. Апостоль сравниваетъ тѣло, которое мы должны отдать землѣ, съ зерномъ (1 Кор. 15, 36). Зерно исчезаетъ, но изъ него развивается зародышъ высшей жизни. То, что видятъ глаза наши и что они въ состояніи прослѣдить, есть, конечно, только разложеніе и переходъ составныхъ частей тѣла въ другія формы жизни.

Какимъ образомъ мы вновь получимъ наше тѣло изъ этого разложенія его составныхъ частей? А развѣ въ нашемъ тѣлѣ теперь не происходитъ непрерывная перемѣна его составныхъ частей, а между тѣмъ оно все одинаково, сдерживается въ цѣлости тою же самою силою, которая служитъ основаніемъ его образованія и господствуетъ надъ нимъ? Почему же этому и тогда не быть такъ, когда душа пріобрѣтетъ изъ новой жизни матеріалы своего новаго организма? Этимъ взглядомъ заключается исповѣданіе христіанъ: я вѣрую въ воскресеніе тѣла и вѣчную жизнь.

Но это совершенство отдѣльныхъ личностей зависитъ отъ совершенства всей паствы Іисуса Христа и всего міра, потому что только въ связи цѣлаго отдѣльные лица достигаютъ совершенства. Мы принадлежимъ христіанской общинѣ, мы принадлежимъ міру, и наша будущность связана съ будущностью церкви и міра.

Какова же будущность церкви? Слова пророчества въ священномъ писаніи даютъ намъ объ этомъ богатыя разрѣшенія. Они, конечно, звучатъ странно для насъ и представляютъ противорѣчіе нашимъ обыкновеннымъ мыслямъ, но при болѣе глубокомъ размышленіи оправдывается ихъ истина.

Предъ нами ясно выступаютъ два предсказанія въ священномъ писаніи. Одно состоитъ въ томъ, что евангеліе должно быть проповѣдано всему міру, и всѣ язычники и народъ израильскій должны вступить въ церковь. Второе говоритъ о великомъ отпаденіи вступившихъ, изъ котораго развивается послѣдній образъ грѣха. Если мы представимъ себѣ теперь положеніе вещей въ то время, когда высказывались такіа пророчества, если мы вспомнимъ, какъ ничтожно было число христіанъ, какъ незамѣтны ихъ средства, какъ стѣсненно было ихъ положеніе; то мы должны сказать, что есть нѣчто чудесное въ такомъ представленіи будущности, которое не только уже видитъ время всеобщаго распространенія, но и время отрицанія. И если мы теперь посмотримъ вокругъ себя, то должны сказать, что то и другое близко къ исполненію.

О томъ, что христіанство сдѣлается всемірною религіей, не можетъ быть вопроса. Какъ бы медленно ни шелъ трудъ миссіи, чрезъ всѣ языческія религіи проходитъ чувство сознанія, что часы ихъ сочтены. Хотя въ магометанствѣ все еще горитъ огонь древняго фанатизма, но именно это возбужденіе противъ всего христіанскаго показываетъ, что евангеліе подвергается его опасности. Конечно, побѣду евангелію не вездѣ доставляетъ убѣжденіе въ истинѣ его, но чего не сдѣлаетъ миссія, то сдѣлаетъ господство европейской цивилизаціи. Съ нимъ христіанство войдетъ повсюду, какъ религія господствующихъ народовъ. Такимъ образомъ въ ругѣ Божіей и свѣтскіе интересы будутъ служить средствомъ къ собиранію на-

родовъ въ союзъ христіанской церкви, дабы концы земли сдѣлались границами церкви.

Сграницѣ всего можетъ казаться надежда на то, что и Израиль преклонится предъ Распятымъ; но мы должны сказать, что само существованіе этого удивительнаго народа показываесть, что Богъ сберегъ его для будущности, если же будущность принадлежитъ Иисусу Христу, то Ему принадлежитъ и Израиль. Въ пророчествѣ сказано, что это будетъ обращеніе не отдѣльныхъ лицъ, но всего народа. И та связь, въ которой находятся между собою отдѣльныя части этого народа, ясно показываесть, что если имъ разъ завладѣетъ религіозное движеніе, то оно легко можетъ сдѣлаться всеобщимъ. Одинъ Богъ знаетъ, когда это случится; теперь еще закрыты ихъ глаза и помраченъ умъ, и они не узнаютъ въ Иисусѣ Христѣ Того, къ кому обращаются ихъ молитвы и ихъ надежды. Израиль служитъ мамонѣ и мимолетнымъ интересамъ вѣка, но въ глубинѣ души хранитъ надежду своихъ предковъ. Если тяжелая школа, которую имъ предназначилъ Господь, достигнетъ относительно ихъ своей цѣли, тогда какъ бы струны спадутъ съ ихъ глазъ, и они узнаютъ, кого распяли. И чѣмъ дольше ругались они надъ Тѣмъ, Который былъ исполненіемъ ихъ надеждъ, тѣмъ глубже будетъ ихъ когнотопреклоненіе, и тѣмъ вѣрнѣе ихъ вѣра и любовь.

Съ этою будущностью Израйля, по словамъ пророка, будетъ совпадать время равнодушія и отпаденія отъ церкви другихъ народовъ. И не нужно слишкомъ проицагательнаго взгляда, чтобы уже теперь не видѣть подготовленія къ тому времени, потому что очевидно начинается раздѣленіе умовъ. Было много временъ равнодушія и враждебности противъ христіанства, но ни въ какое время противухристіанское мышленіе не проводится такъ рѣшительно и систематично, какъ въ настоя-

щее; оно развилось въ общій міровой взглядъ, который съ яснымъ сознаніемъ и опредѣленною рѣшительностью противу-стоитъ христіанскому взгляду. Прежде религіозный обычай былъ часто могуществомъ, опредѣлявшимъ жизнь людей; теперь въ общественной жизни гражданскаго общества религіозный обычай упадаетъ одинъ за другимъ. Мы можемъ жалѣть объ этомъ; но это неудержимый процессъ, и потому тѣмъ болѣе ясно и открыто выступаютъ противоположности различныхъ образовъ мысленія. Мы ясно приближаемся къ тому времени, когда христіанскій міръ раздѣлится на два лагеря: христіанскій и нехристіанскій. Когда это случится—знаетъ одинъ Богъ. Могутъ возникнуть случайности, которыя еще надолго отодвинутъ это время. Но то вѣрно, что уже начать процессъ разъединенія.

Но когда нехристіанскій лагерь рѣшительно противу-станетъ христіанскому, то напрасная надежда воображать, что духъ терпимости предоставитъ каждому жить въ своей вѣрѣ. Хотя вражда великихъ нравственныхъ противоположностей, которыя составляютъ движущую силу всемірной исторіи, по временамъ видимо дремлетъ; но все же она прорывается вновь, и многого нельзя ожидать отъ естественной доброты человѣческаго сердца. Священное писаніе, по крайней мѣрѣ, говоритъ о времени преслѣдованія, которое распространится надъ всѣми исповѣдующими имя Іисуса Христа. Многимъ изъ насъ, быть можетъ, покажется невѣроятнымъ, чтобы что нибудь подобное было когда либо возможно; но могло ли намъ казаться когда либо возможнымъ, чтобы противорѣчіе Іисусу Христу могло достигнуть такой степени смертельной ненависти, какой оно достигло? Христіане первыхъ вѣковъ не напрасно требовали права свободы совѣсти! А кто можетъ доказать, что ненависть противъ христіанства вымерла совершенно?

Священное писаніе обозначаетъ это время преслѣдованія, какъ время тяжелаго испытанія для всѣхъ исповѣдующихъ Іисуса Христа. На сторонѣ вражды противъ исповѣданія Іисуса Христа будетъ идти не только сила, но и общественное мнѣніе и прогрессъ естественной умственной жизни. Это-то и было такъ тяжело для христіанъ первыхъ вѣковъ, что они не только обречены были на мученичество, но и исключены, или сами себя выключали изъ обширныхъ поприщъ общественной жизни. Чтобы это перенести, нужно было обладать гораздо большею силою и увѣренностью въ вѣрѣ, чѣмъ какою обладаемъ теперь мы, для которыхъ самое прекрасное и истинный идеалъ жизни есть единство христіанства и образованія.

Это развитіе религіознаго духа ставитъ священное писаніе въ связь съ исторіей народовъ. Оно объясняетъ, что за временемъ разъединенія народовъ послѣдуетъ время сильныхъ попытокъ къ соединенію. Врѣмя великихъ міровыхъ царствъ древняго міра возвратится и найдетъ наконецъ цѣль свою въ великомъ обладателѣ міра, который назоветъ землю своимъ царствомъ. Но также велико будетъ и высокомеріе, какъ и могущество его, и, подобно древнимъ римскимъ царямъ, онъ будетъ приписывать себѣ почести божескія. Такова будетъ оффиціальная религія въ его царствѣ. А кто воспротивится отдавать ей дань, тотъ будетъ сочтенъ врагомъ государственнаго порядка.

Такъ гласитъ пророчество свящ. писанія, и оно прибавляетъ, что стѣсненіе вѣрующихъ въ это послѣднее время достигнетъ такой нетерпимости, что, наконецъ, потребуетъ непосредственное вмѣшательство Божіе. Когда дѣло дойдетъ до крайности, когда повидимому будетъ казаться, что насталъ конецъ христіанскому обществу, когда всѣ тѣ, которые только наружно или колеблясь исповѣдывали Христа, отдѣлятся отъ христіанскаго общества и пристанутъ къ преслѣдующимъ,

когда такимъ образомъ общество Иисуса Христа очистится отъ всѣхъ негодныхъ элементовъ, тогда Иисусъ Христосъ явится Господомъ и Царемъ вѣрныхъ и поможетъ общинѣ своей побѣдить міръ и получить господство надъ нимъ

Слово пророчества описываетъ въ разнообразныхъ картинахъ это будущее время побѣды церкви Иисуса Христа. Быть можетъ, и трудно отличить, что здѣсь составляетъ картину, а что истину, потому что оно находится внѣ отношеній настоящаго. Но это менѣе всего важно. Главное діло въ воспоминаніяхъ, которыя слово пророчества хочетъ дать намъ; намѣренье его состоитъ не столько въ томъ, чтобы открыть намъ отдѣльныя происшествія будущности, сколько въ томъ, чтобы быть намъ словомъ утѣшенія и убѣжденія. А убѣжденіе состоитъ въ томъ, чтобы быть вѣрнымъ въ страданіи, хотя бы нуть, по видимому, вель во мракъ смерти; а утѣшеніе—въ избавленіи отъ печалей, изъ которыхъ общество Иисуса Христа будетъ призвано къ новой жизни и къ общенію съ воскресшимъ Господомъ. Вотъ что прежде всего хочетъ сообщить намъ слово пророчества.

Но не только общество Иисуса Христа, а и весь міръ долженъ обратиться въ совершенный вѣчный міръ Божіи, потому что исторія не есть постоянный круговоротъ непрерывныхъ повтореній; она не была бы истинною исторіею, и въ ней не совершилось бы развитія, если бы она не имѣла цѣли, къ которой идемъ навстрѣчу. Но разгнѣе ея есть не только развитіе добрыхъ силъ, которыя въ ней дѣйствуютъ, но и развитіе силъ грѣха и вражды противъ Бога, которыя никогда не могутъ быть побѣждены и устранены никакимъ усиленіемъ добрыхъ силъ. Обѣ эти силы будутъ все сильнѣе расходиться. Сила зла будетъ все рѣшительнѣе выступать противъ силъ добра и царства Божія въ міръ. Если она будетъ долгое время казаться побѣжденной или связанной, то все же прорвется съ новою энергіей. Такое страшное обнаруженіе зла—такъ учить св. писаніе—будетъ послѣднимъ

катастрофой міра въ послѣднемъ судѣ. Въ немъ Господь навсегда раздѣлитъ правственные противоположности.

Говорятъ, всемірная исторія есть всемірный судъ. И дѣйствительно, во всемірной исторіи свершается божественный судъ, потому что въ ней господствуетъ божественная справедливость; но именно потому всякій судъ исторіи есть только пророчество о рѣшительномъ судѣ Божіемъ въ концѣ временъ, такъ какъ онъ только будетъ всемірнымъ судомъ. Вся исторія есть великая драма; всякая драма есть борьба противоположностей, но каждая драма требуетъ развязки, и великая драма исторіи не можетъ быть безъ развязки; божественная справедливость свершить послѣдній приговоръ. Долго она оставляла слово людямъ, грѣшникамъ, но послѣднее слово ей принадлежитъ. Это послѣднее слово должно быть возмездіе, потому что это слово Судіи.

Въ сильно поражающихъ картинахъ описываетъ св. писаніе этотъ послѣдній судъ: «идите отъ Мене» — скажетъ Онъ погибшимъ; «идите ко Мнѣ» — скажетъ Онъ списавшимъ спасеніе. Онъ приговоритъ всѣхъ къ проклятію или къ блаженству.

Страшна мысль о проклятіи! Хотя вѣчная любовь сидитъ на престолѣ Судіи, но она вмѣстѣ и святая любовь. Иисусъ Христосъ, Спаситель нашъ, будетъ судить насъ, но Спаситель — вмѣстѣ и Судія. Это Онъ открылъ намъ, когда еще былъ на землѣ. Что Иисусъ Христосъ будетъ судить насъ, въ этомъ убѣдитъ насъ то, что божественная справедливость только тогда произнесетъ послѣднее слово свое, когда истощится вѣчное милосердіе, и уступить мѣсто справедливости. Намъ трудно представить себѣ, что Богъ, который есть вѣчная любовь, можетъ проклинать насъ; но если вѣчное милосердіе истощило всѣ средства въ работѣ надъ человѣкомъ, что остается дѣлать ему? Въ томъ и состоитъ великая свобода человѣка, что онъ можетъ противоdѣйствовать Богу; но въ

томъ и состоитъ наша великая, но вмѣстѣ и печальная привилегія, что наше грѣшное сердце можетъ быть непобѣдимо даже и для Бога. Весь міръ долженъ преклониться предъ всемогуществомъ, но человѣческое сердце имѣетъ то преимущество, что оно не преклоняется предъ милосердіемъ Всемогущаго. Обыкновенно между людьми просьба сильнѣе приказанія. И кто не уступаетъ насилію, тотъ преклоняется предъ непродолжительною смиренною мольбою. А что такое человѣческая мольба противъ мольбы Всевышняго и тихая сила человѣческой любви предъ всемогуществомъ вѣчной любви Распятаго! И все же ей противостоитъ человѣческое сердце. Здѣсь и божественное могущество имѣетъ свои предѣлы, потому что Самъ Богъ опредѣлилъ ему эти предѣлы. Мы не тому должны бы были удивляться, что Богъ можетъ проклинать насъ, а тому, что человѣкъ можетъ такъ упорно сопротивляться Ему. Конечно, тотъ не погибнетъ, кто желаетъ себя спасти, кто предложить хотя малѣйшую опору спасающей благодати. Но кто вполнѣ и навсегда закроетъ сѣ свое сердце, кто ничего не захочетъ слышать о Богѣ, кто составляетъ единое съ противорѣчіемъ Богу,—для того уста справедливости не имѣютъ другаго слова, кромѣ слова жалобы: «а ты не пожелалъ». Какъ истинно святъ Господь и какъ истинна святость Божія, не имѣющая общности съ грѣхомъ, такъ истинно тотъ, который избралъ грѣхъ наслѣдіемъ своимъ, будетъ исключенъ отъ Бога и общенія съ Нимъ, т. е. лишенъ блаженства.

Лишиться блаженства значитъ быть удаленнымъ отъ Бога, не имѣть общенія съ Тѣмъ, который одинъ удовлетворяетъ вѣчно-грызущій голодъ души нашей и уничтожаетъ своимъ прощеніемъ недовольство виновной совѣсти. Быть въ разлукѣ съ Богомъ, который одинъ есть источникъ жизни и безъ котораго все суетно, ничтожно и пусто; который одинъ есть

свѣтъ души нашей и безъ котораго все ночь, который одинъ наше утѣшеніе и радость и безъ котораго существованіе наше не радостно и безутѣшно;—быть въ разлукѣ съ Богомъ и исключеннымъ изъ міра Божія, къ свѣтлой истинѣ котораго не имѣетъ доступа грѣхъ и вражда противъ Бога,—въ разлукѣ съ этимъ міромъ истинныхъ благъ, которыя составляютъ радость жизни,—въ разлукѣ съ Богомъ и міромъ Божиимъ, и сосредоточеннымъ въ себѣ самомъ въ вѣчномъ глубокомъ уединеніи, въ той ночной тишинѣ смерти, гдѣ грѣшная душа не имѣетъ другаго общества, кромѣ муки воспоминанія и ночи безнадежности,—быть вѣчно только съ самимъ собою—вотъ лишеніе блаженства.

Уже одна мысль объ этомъ приводитъ насъ въ ужасъ. Каково же будетъ перенести это? Но и это несчастіе погибшихъ должно служить свидѣтельствомъ признанія святой справедливости вѣчной любви. Въ этомъ заключается примиреніе для сознанія блаженныхъ.

Но какъ я могу достойно описать блаженство блаженныхъ? Наши мысли слишкомъ узки для того, чтобы постигнуть величіе факта, и мы можемъ представлять его только въ картинахъ предчувствія; языкъ нашъ слишкомъ бѣденъ, чтобы даже одни предчувствія нашего сердца облечь въ слова. Это всегда останется не полною рѣчью, покуда мы тамъ новымъ языкомъ не провозгласимъ сдѣлавшуюся открытой тайну вѣчной любви.

И отъиметъ Богъ—такъ изображаетъ св. пророкъ вѣчную жизнь блаженства (Апок. 21, 4)—*и отъиметъ Богъ всяку слезу отъ очю ихъ и смерти не будетъ ктому: ни плача, ни вопля, ни болѣзни не будетъ ктому, яко пероая мимоидоша.*

И не будетъ существовать и то, что хуже смерти,—именно грѣхъ. Эта жажда всѣхъ святыхъ, это горячее желаніе

нашихъ лучшихъ минутъ, которое постоянно вновь возвышается въ насъ, когда мы чувствуемъ недостойное рабство грѣха, когда слабость наша подчиняется ему и душу нашу охватываетъ горькое страданіе и мы вздыхаемъ о спасеніи— эта жажда утолится тогда и грѣхъ не будетъ больше существовать.

Что мы, напротивъ, носили въ душѣ нашей великаго и благороднаго, всѣ истинные идеалы нашей жизни, которые здѣсь подобно яснымъ тѣнямъ блуждали только предъ глазами духа нашего—сдѣлаются тогда дѣйствительностью и нашей дѣйствительностью.

Пока мы живемъ здѣсь, существо наше проникнуто противорѣчіемъ. Мы носимъ первобытное изображеніе самихъ себя, божественную идею существа нашего, но мы не представляемъ дѣйствительности ея. Это и составляетъ наше несчастіе теперь, что мы не находимся въ гармоніи съ собою, такъ что знаніе и желаніе, желаніе и исполненіе находятся въ противорѣчій другъ къ другу. Тогда существованіе наше будетъ представлять гармонію существа нашего, потому что мы будемъ въ гармоніи съ Богомъ. И это наше назначеніе, которое тогда только исполнится; это будетъ истинная жизнь, истинная жизнь свободы и жизнь дѣятельности, созданная для вѣчности.

И гармонія міра будетъ соответствовать нашей гармоніи съ собой. Теперь противорѣчіе составляетъ законъ существованія, а споръ форму жизни; тогда это будетъ міръ блаженной гармоніи съ самимъ собою. Къ похвальной пѣсни сферъ не присоединится дисгамонія. Но міръ созданъ для того, чтобы быть міромъ человѣка. Теперь онъ повинуется ему съ насиліемъ и принужденіемъ и мститъ за послушаніе свое зломъ и страданіемъ и становится для человѣка искушеніемъ и приманкой; тогда онъ достигнетъ своего назна-

ченія быть не противъ человѣка, но за человѣка, и призваніе человѣка исполнится въ немъ. Человѣкъ созданъ быть его пророкомъ, паремъ и первосвященникомъ; онъ будетъ ему свѣтель и ясенъ и понятно заговорить уму его своимъ нѣмымъ языкомъ. Онъ прочтетъ великія дѣла Божіи въ чертахъ писанія преображенного міра. Какъ мы теперь читаемъ въ священномъ писаніи исторію нашего спасенія, такъ намъ тогда совершенный міръ Божій будетъ громко говорящимъ памятникомъ и постоянно новымъ и богатымъ писаніемъ великихъ дѣлъ вѣчной любви и въ тоже время мѣстомъ блаженного господства, а это господство—первосвященнической службой Божіей въ мірѣ, сдѣлавшемся храмомъ Божиимъ. Такъ исполнится назначеніе человѣка въ мірѣ.

И мы будемъ въ обществѣ блаженныхъ, потому что всѣ святые, которые отъ начала міра странствовали на землѣ, соединятся въ одинъ великій народъ Божій. Мы увидимъ всѣхъ этихъ великихъ людей царства Божія, всѣ святые идеалы нашего ума, всѣхъ любимцевъ сердца нашего. Это будутъ все новыя встрѣчи, а посреди ихъ Тотъ, Который соединяетъ въ себѣ божество и человѣчество, Который послушаніемъ любви своей до смерти на крестѣ спасъ міръ отъ грѣховъ и сдѣлалъ насъ дѣтьми Божиими. Тогда совершится Его дѣло, исполнится Его призваніе, и Онъ передастъ спасенный міръ въ руки Отца и Богъ будетъ всяческая во всѣхъ (Кор. 15, 28).

Все преходящее есть только подобіе; то что оно означаетъ находить истину свою въ Богѣ. Высочайше, что предлагаетъ намъ земля, есть только тѣнь; истина всего Господь. Всѣ великія идеи, которыя восхищаютъ нашъ умъ, суть только преломленные лучи вѣчнаго свѣта, первобытный источникъ котораго Богъ. Здѣсь полная истина. Здѣсь цѣль нашего духа, потому что Богъ есть начало нашего духа. Мы будемъ у цѣли, потому что будемъ у Бога.

И Богъ будетъ все во всемъ, подъ всевозможными образами вѣчнаго преображеннаго міра, подъ тысячью различныхъ формъ, которыя намъ встрѣчаются. Тамъ мы прочтемъ отвѣтъ на вопросъ нашего ума, потому что всѣ загадки здѣшняго состоянія будутъ тамъ разрѣшены и всѣ противорѣчія этого міра будутъ уничтожены въ совершенной преображенной жизни и ея божественной гармоніи.

Такова цѣль всего существующаго, такова и наша цѣль, цѣль вопросовъ нашего ума и жажда нашего сердца.

Бросимъ взглядъ назадъ!

Противорѣчія здѣшней жизни суть жало, не дающее намъ покоя, побуждающее умъ нашъ къ вопросамъ, на которые этотъ міръ не даетъ отвѣта и которые пробуждаютъ въ сердцѣ нашемъ жажду, не находящую здѣсь утоленія; но противорѣчіе всѣхъ противорѣчій есть грѣхъ, разъединяющій существо наше въ самой глубинѣ его и укрѣпляющій между нами и вѣчной любовью св. Бога бездну, которую не можетъ наполнить никакой трудъ нашей силы. Только вѣчное милосердіе могло раскинуть чрезъ него мостъ, по которому къ намъ перешелъ Господь, чтобы и мы могли придти къ нему. То, что опредѣлилъ совѣтъ вѣчной любви въ сердцѣ Божіемъ для нашего спасенія, то сдѣлалось фактомъ во Иисусѣ Христѣ и на крестѣ и сдѣлается собственнымъ опытомъ посредствомъ дѣйствія Духа Божія въ нашемъ сердцѣ. Изъ этой скрытой тайны нашего внутренняго происходитъ наше обновленіе, которое имѣетъ царство свое здѣсь въ душахъ дѣтей Божіихъ, а послѣднюю цѣль свою въ вѣчномъ мірѣ Божіемъ, когда тѣло и душа возрадуются въ Богѣ.

Таково ученіе христіанства. Оно состоитъ не въ отдѣльных постановленіяхъ и взглядахъ, но есть радостное посланіе, провозглашеніе великой исторіи, которая обнимаетъ небо и землю и имѣетъ начало въ божественномъ совѣтѣ

вѣчной любви, а цѣль въ будущемъ мірѣ вѣчности; середина же ея—Иисусъ Христосъ, умершій и воскресшій.

Въ немъ—Сынъ Божіемъ вѣчная благодать явилась во времени; въ насъ-дѣтяхъ Божіихъ она начинаетъ дѣло вѣчности, окончанія котораго мы ожидаемъ.

Теперь мы—дѣти Божіи, но еще не оказалось, чѣмъ мы быть можемъ; но мы знаемъ, чѣмъ мы будемъ тогда: *вѣмы, яко егда явится, подобни Ему будемъ, ибо узримъ Его, якоже есть* Опъ (I Іоан. 3, 2).—Таковъ конецъ. Этимъ позвольте мнѣ завершить мои чтенія.

Никто не можетъ чувствовать сильнѣе меня, какъ мало слово мое соотвѣтствуетъ величію дѣла, о которомъ идетъ рѣчь. Но Тотъ, Кто нѣкогда не отвергъ дара грѣшницы, которая посвятила Ему слезы и жертву свою, Тотъ не пренебрежетъ и этимъ ничтожнымъ даромъ, который я приношу къ Его стопамъ. Онъ возвыситъ, благословитъ и употребитъ его по своему усмотрѣнію.

Перев. Фр. Шарко.

